

КАК СОЗДАЮТСЯ МИФЫ¹

В статье рассказывается о попытках фальсифицировать масштабы разрушений уральской промышленности колчаковцами при отступлении.

Ключевые слова: разрушение заводов, эвакуация, реэвакуация, исторические мифы.

В последние два десятилетия наша историческая наука все более политизируется и мифологизируется, заменяя объективные, достоверные данные на мифы, догадки и предположения. При этом нередко из-за незнания материала, неумения разобраться в источниках создаются мифы, «обогащающие», а на деле засоряющие, фальсифицирующие историческую науку.

Либеральные историки, объявив себя «продвинутыми», обладающими «конспирологическими» (тайноведческими) качествами, используя выхваченные из исторических работ отдельные факты и цифры и своеобразно истолковывая их, создают нужные им социологические схемы и делают угодные им выводы. Как правило, это делается для очернения истории советского периода, а применительно к периоду революции 1917 г. и Гражданской войны — к оправданию белогвардейцев и белого движения.

Недавно, в «дополнение» к довольно хорошо изученному историками периоду Гражданской войны на Урале в 1918–1919 гг., появился миф о невинности белого движения в нанесении ущерба уральской промышленности в период отступления колчаковских войск в Сибирь летом и осенью 1919 г. М. А. Фельдман утверждает, что «невозвратимый ущерб предприятиям уральской промышленности был невелик» и, не приводя каких-либо доказательств, делает вывод: «возложение на белое движение на порядок преувеличенного ущерба, нанесенного отступлением колчаковской армии летом 1919 г., должно было отвлечь внимание населения, в первую очередь рабочих, от размышлений о подлинных причинах Гражданской войны, реальных результатах национализации и политики “военного коммунизма” в целом, поддерживать в обществе атмосферу классовой ненависти, позволявшей существовать и оправдывать диктатуру большевистской партии под вывеской “диктатуры пролетариата”»².

Совершенно непонятно, как сведения об ущербе предприятиям при отступлении колчаковцев, наносимом ими на глазах рабочих и часто при открытом или скрытом сопротивлении рабочих, разрушение и разграбление колчаковцами при отступлении в Сибирь промышленных предприятий, заводов, затопление рудников, которые, как признает М. А. Фельдман, рабочие считали своими, своей «коллективной собственностью», могли отвлечь внимание населения и рабочих от размышлений «о подлинных причинах гражданской войны, реальных результатах национализации и политики “военного коммунизма”».

* Дмитрий Васильевич Гаврилов

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

¹ Работа выполнена по бюджетной теме X.105 и программе ОИФН № 12-Т-6-1003

² См. статью М. А. Фельдмана в этом сборнике.

поддерживать в обществе атмосферу классовой ненависти, позволявшую существовать и оправдывать диктатуру большевистской партии под вывеской “диктатуры пролетариата”». Скорее всего, злобствование и мародерство колчаковцев при отступлении в Сибирь еще более разжигали атмосферу классовой ненависти, восстанавливали население и рабочих против белогвардейцев и поддерживавших их интервентов.

Чтобы объективно оценить роль колчаковцев в разрушении уральской промышленности следует рассмотреть, в каком состоянии она находилась накануне начала Гражданской войны, при хозяйничании на Урале колчаковцев, что конкретно разрушили колчаковцы при отступлении.

Первая мировая война 1914–1918 гг. существенно подорвала экономический потенциал уральской металлургии. Произошло значительное снижение производства металлов, вызванное переводом многих производств на выпуск военной продукции, непродуманной мобилизацией значительной части заводских рабочих в армию, возникшими трудностями в заготовке руды и древесного топлива. Выплавка чугуна на уральских заводах с 55,77 млн пуд. в 1913 г. упала до 52,44 млн в 1914 г., 50,27 млн в 1915 г., 46,41 млн в 1916 г. и 44,09 млн пуд. в 1917 г., т. е. снизилась на 21 %. За этот же период выплавка меди уменьшилась на 39,2 %, добыча железной руды — на 21,3 %, добыча золота — на 70 %.

После Октябрьской революции 1917 г. и национализации металлургических заводов производство на них продолжало падать вследствие саботажа бывших заводоладельцев и их администрации, отсутствия финансирования, сырья и топлива, падения производственной дисциплины. К июлю 1918 г. из 89 имевшихся на Урале доменных печей действовала только 51, в мартеновском производстве из 88 печей работали 59. Летом 1918 г. Урал был охвачен Гражданской войной, большинство металлургических заводов были остановлены [1, с. 511, 514–515].

Белогвардейцы, с помощью чехословаков летом–осенью 1918 г. свергнувшие советскую власть на Урале, объявили о денационализации предприятий и пытались возобновить работу заводов, но это им не удалось. И. Ф. Плотников о хозяйничании на Урале в 1918–1919 гг. белогвардейцев и колчаковцев писал: «Хищническое хозяйничание временщиков-капиталистов, разграбление ими предприятий привели в конечном итоге к полной дезорганизации промышленного производства. Из каждых пяти уральских заводов действовал только один, да и то с неполной нагрузкой. Заводы постоянно оставались без топлива, сырья, материалов. Резко пало производство железа и стали. Катастрофически снижалась добыча угля. Развал наблюдался на железнодорожном транспорте» [10, с. 109].

Таким был Урал, когда Красная Армия летом 1919 г. развернула мощное наступление для изгнания колчаковцев с Урала. Летом–осенью 1919 г. колчаковцы, отступая с Урала, разрушали промышленные предприятия, транспорт, взрывали мосты, затопляли водой рудники и шахты, ломали все, что только смогли разбить, увозили с собой все, что могли увезти³.

Отступая, колчаковцы в бессильной злобе стремились нанести хозяйству оставляемых территорий наибольший урон. В периодической печати сообщалось, что уходя из Прикамья, они «сжигали целые села, топили, ломали и

жгли, секли население плетьюми, расстреливали рабочих...»⁴. Они отбирали у крестьян продовольствие, угоняли скот, что не могли увезти с собой — уничтожали, разрушали железнодорожное полотно, взрывали мосты и станционные постройки, разрушали и выводили из строя транспортные средства.

Только на Пермской железной дороге они взорвали 179 мостов, угнали в Сибирь большое количество паровозов и вагонов, сожгли при отступлении около двух тысяч вагонов. После изгнания колчаковцев современники повсюду видели на железных дорогах «обгорелые, сожженные вагоны, разрушенные паровозы». Они взорвали железнодорожные мосты через Каму у г. Перми и через р. Белую в Уфе, имевшие стратегическое значение. Колчаковцы сожгли почти весь камский речной флот, сгорело более 50 пароходов, 39 барж и дебаркадеров [6, с. 147].

Но осуществить тотальное разрушение оставляемых территорий, ввиду стремительного наступления красных и поспешного бегства колчаковцев, белогвардейцам не удалось. Быстрое наступление Красной Армии, угроза окружения, заставляли колчаковцев поспешно отступать на восток, бросая вооружение и награбленное имущество. Части Красной Армии захватили в Златоусте 3 тыс. пленных, 8 орудий, 32 пулемета, 1 бронепоезд, 30 паровозов и 600 вагонов. В Челябинске они захватили в плен 1 500 белогвардейских солдат и офицеров, 3 000 вагонов с углем и военным имуществом, 32 исправных паровоза, 1 бронепоезд, дивизионный лазарет [8, с. 165, 171]. При стремительном протекании боевых действий на металлургических заводах колчаковцы успели разрушить только некоторые печи и агрегаты и смогли увезти с собой только часть заводского имущества. Кроме того, они рассчитывали снова вернуться на Урал и распространяли слухи, что отступают потому, что «сибиряки намерены завлечь советские войска («мадьяр, латышей, китайцев») в глубь Сибири, чтобы их там уничтожить по примеру 1812 года» [8, с. 169].

Колчаковцы при отступлении не разрушали уральские заводы «полностью, до основания», как заявляли некоторые историки. Они не могли это сделать, так как для разрушения заводов «до основания» у них не было ни времени, ни сил, ни технических возможностей, да они и не ставили перед собой такой цели. Колчаковцы стремились вывести заводы из строя, что им и удалось. сделать: они оставляли в металлургических печах «козлов», разрушали оборудование, что должно было парализовать производственную деятельность заводов. В первую очередь выводились из строя силовые установки и электростанции. С паровых котлов, турбин, динамомашин снимались или разрушались арматура и основные части. Колчаковцы вывозили все, что смогли увезти — машины, станки, инструменты, приборы, чертежи и техническую документацию. Принудительно увозились квалифицированные рабочие и инженерно-технический персонал. По существу был разрушен железнодорожный транспорт.

Колчаковцам удалось нанести значительный ущерб металлургическим заводам и парализовать уральскую промышленность. Видный партийный и профсоюзный деятель А. А. Андреев, характеризуя обстановку на Урале после изгнания колчаковцев, 27 ноября 1919 г. писал: «Не работало ни одного завода, ни одного рудника, ни одной доменной печи. Горнозаводский Урал, на который мы устремляли надежды, по существу был мертв» [7, с. 382].

⁴Правда. 1919. 28 авг.

Наибольшие разрушения колчаковцы нанесли казенным и частновладельческим заводам, выпускавшим вооружение. Из металлургических заводов, разбросанных на огромной территории края, наиболее пострадали те, которые находились в зоне активных боевых действий или на линиях магистральных железных дорог.

Огромный урон был нанесен Пермскому пушечному (Мотовилихинскому) заводу. Колчаковцы сняли и увезли арматуру паровых котлов, распределительно-регулирующие устройства динамомашин и паровых турбин, важнейшие детали специальных станков, штампы, измерительный и калибровый инструмент, чертежи и другую документацию, вывели из строя металлографическую лабораторию. Спасая завод от разграбления, рабочие уносили ценное оборудование и закапывали его в лесу, после освобождения завода они принесли его обратно, припрятали и сохранили от грабежа колчаковцев много станков, сумели сохранить крупный запас стали в 1 млн пуд. [13, с. 277]. С завода были вывезены 320 инженеров, техников и мастеров, поле ухода колчаковцев на нем осталось только 4 инженера.

С Лысьвенского завода, выпускавшего артиллерийские снаряды, колчаковцы увезли прессы штамповочного и закройного цехов, станки, сварочные аппараты, инструменты, парораспределители паровой турбины на электростанции и много другого оборудования. Лысьвенский рабочий П. И. Студитов-Парфёнов писал: «Мрачную картину застали мы, вернувшись в родные края. Завод не работал. Колчаковцы разрушили все, что поддавалось разрушению. Часть ценного оборудования они пытались вывезти по железной дороге. Когда это сделать не удалось, подожгли железнодорожный состав, а некоторые вагоны взорвали»⁵. Рабочие не выполнили приказ демонтировать станки и погрузить их в вагоны, вынесли с завода и припрятали по домам многие ответственные детали оборудования и измерительные приборы.

Лариса Рейснер, побывавшая в Лысьвенском заводе спустя пять лет после отступления колчаковцев, в 1924 г., писала: «При Колчаке Лысьва потеряла много людей и похоронила две мартеновские печи... Печи погибли. Зрелище величайшей печали: в самом сердце живого завода — бескрышные стены, груды лома, обломки погибших машин, среди которых пробивается трава и осмеливаются расти какие-то жалкие полевые цветки...»⁶.

Подлинному разгрому подвергся Златоустовский завод, выпускавший холодное оружие и артиллерийские снаряды. Колчаковцы разрушили все энергетическое хозяйство завода, вывезли мощную турбину в 2 000 кВт, увезли лучшие станки, арматуру паровых котлов и гидравлические устройства прессовой фабрики, сняли со всех механизмов приводные ремни, вывезли производственно-техническую документацию. С завода были вывезены в Сибирь 600 вагонов с оборудованием и имуществом, около 1 800 чел. заводского персонала — 40 % служащих, в т. ч. 274 инженеров и техников, и 16 % рабочих. Был razoren Саткинский завод, с которого при отступлении белогвардейцы вывезли оборудование электростанции, детали паровых котлов, увели всех ло-

⁵Студитов-Парфёнов П. И. На защите Лысьвенского завода // В боях и походах: воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959. С. 114.

⁶Рейснер Л. Уголь, железо и живые люди. М.; Л., 1925. С. 26.

шадей с конного двора, сожгли центральный склад материальных ценностей, остановили и повредили доменные печи⁷ [7, с. 379–380].

Большому разорению подвергся Ижевский оружейный завод, на котором было разрушено оборудование, подорвана энергетическая база, увезены генераторы мощностью в 5 000 кВт. Воткинский завод пережил две эвакуации и две реэвакуации, часть оборудования была эвакуирована советскими властями в западные районы страны, другая часть оборудования вывезена отступавшими колчаковцами на восток, в Сибирь, при этом завод в значительной степени был разрушен и разграблен⁸ [14].

Серьезный ущерб был нанесен самому крупному на Урале в то время Надеждинскому металлургическому заводу, имевшему 7 доменных и 9 мартеновских печей, 22 прокатных стана, сильное энергетическое хозяйство. Часть наиболее ценного оборудования была вывезена колчаковцами в Сибирь, часть попорчена и разрушена, разрушены принадлежавшие заводу узкоколейные железные дороги, угнаны в Сибирь принадлежавшие заводу суда с Филькинской пристани. После хозяйничания белогвардейцев фактически осталось мертвое предприятие. Работала только одна домна, бездействовали прокатные производства, так как была выведена из строя электромашина «Тиссен», которая питала прокатные станы [4, с. 80].

С Чусовского металлургического завода колчаковцы вывезли более 9 вагонов оборудования, токарные станки, регуляторы паровых машин, измерительные приборы, запас цветных металлов. На Нижнетагильском металлургическом заводе были разрушены доменный и мартеновский цехи, остановлены прокатные цехи. На Миньярском заводе были выведены из строя калильные и пудлинговые печи, часть паровых машин и гидротурбин, из пяти прокатных станов уцелело только два — мелкосортный и среднесортный⁹.

Колчаковцами был полуразрушен Шайтанский (Васильево-Шайтанский) завод, затоплен Гологорский рудник. В Ревдинском заводе белогвардейцы хотели взорвать плотину, сжечь мосты, но это им не удалось. На Дегтярском медном руднике были затоплены шахты и карьеры. Сожжен один из цехов в Атигском заводе. Отступая из Екатеринбургa, колчаковцы разрушили и разграбили Верхисетский металлургический завод, в 1919 г. его цехи напоминали кладбище изуродованных машин и станков. Было разграблено оборудование Карабашского медеплавильного, Кыштымского чугунолитейного и Нижне-Кыштымского медеэлектролитного заводов, разрушены и затоплены медные рудники Соймановской долины — Карабашский и др., затоплены шахты на Челябинских угольных копях [8, с. 184; 9, с. 41; 12, с. 30].

Колчаковцами были разграблены и частично разрушены Алапаевский, Верхнесалдинский, Верхнесергинский, Верхнесинячихинский, Михайловский, Нижнесергинский, Невьянский, Уткинский, Староуткинский, Узянский, Усть-Катавский, Юрюзань-Ивановский и ряд других заводов. Подсчитано, что колчаковцы нанесли различный, больший или меньший, ущерб около 70 % уральских металлургических заводов [2, с. 97; 7, с. 380; 13, с. 277].

⁷Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энцикл. Екатеринбург, 2001. С. 216, 415.

⁸Там же. С. 160, 224.

⁹Там же. С. 321, 342, 509.

После разгрома Колчака и освобождения Сибири была осуществлена реэвакуация вывезенного белогвардейцами оборудования, а также рабочих, служащих и инженерно-технических работников. Эта задача была не из легких, поскольку вывезенные с Урала оборудование и люди оказались разбросанными по разным городам и железнодорожным станциям обширной Сибири. Их находили в Омске, Томске, Барнауле, Бийске, Семипалатинске, Красноярске, Иркутске, Чите, Ачинске, Канске, Верхнеудинске и других местах. Большую роль в возвращении похищенного заводского имущества сыграли рабочий В. П. Сулимов, назначенный уполномоченным Уралсибкома по реэвакуации уральских заводов, и инженер В. Ф. Фидлер. Из Сибири были возвращены на Урал 384 вагона с оборудованием уральских заводов и 11,1 тыс. инженеров, техников, конторских работников, рабочих и членов их семей. Но было разыскано не все. Часто было невозможно определить, откуда что вывезено. Реэвакуированное оборудование не всегда находило себе применение, станки валялись разбросанными на территории заводов под открытым небом, ожидая своей очереди. Реэвакуация не возместила нанесенный предприятиям ущерб [1, с. 515; 3, с. 90–91; 13, с. 278].

В 1920 г. Главметалл провел анкетный опрос о состоянии оборудования 54 заводов Уральского региона, т. е. большей части металлургических заводов края. Весьма важно, что определение степени готовности оборудования было сделано самими заводами. Результаты исследования показывает таблица 1.

Таблица 1

Состояние оборудования металлургических заводов Урала в 1920 г.*

Наименование оборудования	Кол-во единиц оборудования	Состояние оборудования, %			Пригодность для производства, %	
		хорошее	удовлетворительное	негодное, требующее замены	годное	негодное
Доменные печи	56	50	42	8	92	8
Мартеновские печи	39	52	23	25	75	25
Сортовые станы	48	40	49	11	89	11
Паровые котлы	370	56	23	21	79	21
Двигатели внутреннего сгорания	17	43	45	12	88	12
Генераторы и динамомашинны	122	76	5	19	81	19
Поворотные краны	141	27	47	26	74	26
Компрессоры	10	10	80	10	90	10

*Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 530–531; Металлопромышленность республики и ее нужды. М., 1922. С. 72–76, 80–81.

По подавляющей части наименований негодное, требующее замены оборудование составляло не более $\frac{1}{10}$. Наибольший удельный вес негодного оборудования дали поворотные краны (26 %), мартеновские печи (25 %), паровые котлы (21 %), генераторы и динамомашинны (19 %). Таким образом, 80–90 %

металлургического и энергетического оборудования этих заводов было пригодно к эксплуатации.

Причина, по которой не удалось после Гражданской войны сразу пустить в ход все заводы, заключалась не в отсутствии необходимого оборудования, а чаще всего в его неисправности, некомплектности, в т. ч. созданных разграблением колчаковцами, отсутствии сырья (руды), топлива (древесного и каменного угля), необходимого транспорта, финансовых средств, продовольствия, достаточного количества квалифицированных рабочих.

М. А. Фельдман, считая масштабы урона, нанесенного колчаковцами уральской промышленности «незначительными», в качестве доказательства приводит отрывок из работы С. П. Сигова, которого называет «глубоким исследователем горнозаводской промышленности». Однако интерпретирует этот отрывок он весьма своеобразно, произвольно исказив смысл.

С. П. Сигов писал: «...Мы нередко встречаемся с недостаточно дифференцированной оценкой тех разрушений, которые были нанесены Гражданской войной техническому оборудованию металлургических цехов (где они были сравнительно незначительны и не играли существенной роли в последующем восстановлении производства), и разрушений в других неметаллических (главным образом военных и силовых) цехах заводов. Разрушения, произведенные в военных и отчасти силовых цехах заводов, были в ряде случаев весьма серьезны...» [13, с. 276–277]. Из цитаты видно, что, по его данным, «сравнительно незначительные разрушения» были только в металлургических цехах, а в военных и силовых (энергетических) цехах разрушения «были в ряде случаев весьма серьезны».

С. П. Сигов обратил внимание на то, что «в большинстве заводов почти полностью эвакуировался административный и технический персонал, были увезены бухгалтерские книги, документы, планы и чертежи. Увезена часть квалифицированных рабочих..., увезены в некоторых случаях пишущие машинки и телефоны, попорчены... железнодорожные пути, затоплены некоторые рудники... и т. п.». «Разгром белогвардейцев, — констатировал Сигов, — касался не столько оборудования..., как всего аппарата управления и производства (курсив автора)» [13, с. 277], т. е. имел целью полностью парализовать уральскую промышленность.

Работа С. П. Сигова, при ее внимательном чтении, не свидетельствует, что урон, нанесенный колчаковцами уральской промышленности, был «незначительным».

Нельзя согласиться и с утверждениями М. А. Фельдмана, что с учетом возвращения на предприятия Урала части оборудования «реальная стоимость ущерба промышленности представляла существенно меньшую величину», и что разрушения колчаковцев не сыграли существенной роли в последующем восстановлении уральской промышленности. Возврат награбленного колчаковцами заводского имущества на Урал был неполным и бессистемным. Реваквация не возместила нанесенный предприятиям ущерб.

В 1913 г. на Урале действовали 96 металлургических заводов, летом 1918 г. — 73. После окончания Гражданской войны, при переходе к НЭПу, в 1922 г. из-за неисправности, некомплектности, устарелости оборудования

44 металлургических завода были поставлены на длительную консервацию, а затем, при переходе к выполнению первого пятилетнего плана, в 1925–1928 гг., демонтированы или перепрофилированы в машиностроительные, механические и т. п. предприятия. В 1928/1929 г., первом году первой пятилетки, на Урале остались действовать 33 металлургических завода.

В 1927/1928 г. уровень 1913 г. уральская металлургия достигла лишь по выплавке стали (104,6 % к 1913 г.). В 1927/1928 г., по сравнению с 1913 г., было произведено проката черных металлов — 98,3 %, чугуна — 75,6 %, черновой меди — 88 %, добыто железной руды — 64,1 %, медной руды — 70,5 %. [1, с. 534–535, 537, 569; 13, с. 282].

Кризис уральской промышленности, вызванный Первой мировой и Гражданской войнами, углубленный ее разгромом колчаковцами, привел к тому, что, несмотря на героический труд уральских рабочих, довоенный уровень производительности был достигнут уральской промышленностью (и только в целом, в основном) лишь в 1927/1928 г.

Стоимость общего ущерба, причиненного уральской промышленности колчаковцами, авторы изданной в 1939 г. книги «Разгром колчаковщины на Урале» оценили в 539,139 млн руб. [11, с. 13, 112]. В 1988 г. авторы первого тома «Истории народного хозяйства Урала (1917–1945 гг.)» установили, что ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Урала колчаковцами, составлял 231,9 млн руб. [5, с. 38, 47]. М. А. Фельдман путем конспирологического чутья вычислил, что из общей суммы ущерба «приходилось на промышленность (вывезенное и испорченное оборудование) и транспорт» 174,7 млн руб. и сделал вывод, что «ущерб промышленности в период отступления колчаковских войск спустя полвека определялся советскими историками, по крайней мере, в четыре раза меньше, чем в 1939 г.», отражая «сдвиг» исторической науки в СССР «от полной идеологизации» к попыткам приблизиться «к научным знаниям». Элементарная небрежность и неумение владеть статистикой тех и других исследователей привели М. А. Фельдмана к выводу о «сдвиге исторической науки в СССР».

Дело в том, что историки 1939 и 1988 гг. оперировали не фактическими данными, а виртуальными, несуществующими величинами, позволявшими маневрировать ими в любую сторону. Следует вспомнить, в какой обстановке и почему возник вопрос об ущербе, нанесенном нашей стране колчаковцами и интервентами.

М. А. Фельдман осуждает советских историков за то, что стремясь «на порядок преувеличить ущерб», нанесенный колчаковцами, они подсчитывали не только материальные, но и косвенные убытки, нанесенные Уралу интервентами и их ставленниками — колчаковцами. Но у советских историков для этого имелись основательные причины.

В апреле–мае 1922 г. в Генуе состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам для изыскания мер «к экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы», на которой впервые участвовала советская делегация. Страны Антанты поставили условием признания СССР де-юре выполнение ряда требований — признать все долги царского и Временного правительств, вернуть иностранным капиталистам национализированные у них советской властью предприятия или возместить их стоимость на

общую сумму в 18,496 млрд золотых руб. Советская делегация выдвинула контр-претензии о возмещении Советскому государству убытков, причиненных иностранной интервенцией и блокадой в размере 39 млрд золотых руб.

Попытка с помощью дипломатического нажима на СССР добиться экономических и политических уступок — выплатить долги, возместить убытки иностранным инвесторам, отменить монополию внешней торговли и т. п. — окончились провалом. Более того, во время конференции советская делегация сумела договориться с германской делегацией и заключить с Германией Рапалльский договор о признании Германией СССР де-юре и установлении дипломатических отношений без всяких условий. Единый фронт капиталистических государств и экономическая блокада были прорваны. В 1924 г. все главные капиталистические страны без каких-либо предварительных условий установили с СССР дипломатические отношения.

Перед Генуэзской конференцией центральные и региональные власти, в т. ч. Уралпромбюро, подсчитывали убытки, причиненные интервенцией и блокадой, в число которых включались не только непосредственные, материальные, но, естественно, и косвенные убытки. Масштабы убытков уральской крупной (подчеркиваю — только крупной) промышленности Урала, причиненных Гражданской войной и интервенцией, по данным Уралпромбюро, показывает таблица 2.

Таблица 2

**Ущерб, нанесенный уральской промышленности
белогвардейцами и интервентами в 1918–1919 гг. (по довоенным ценам)***

Род промышленности	Прямой материальный ущерб			Косвенный ущерб	Итого
	Повреждения строений, оборудования и т. п.	Уничтожение естественных богатств	Прочие убытки, в т. ч. расходы на эвакуацию	Убыток от сокращения производства	
Металлургическая	44 232 978	9 759 861	9 072 543	349 234 764	412 300 146
Горная	7 847 946	1 052 858	3 023 686	117 272 305	129 196 795
Химическая	2 585 400	1 684 540	600 000	17 211 546	22 081 486
Текстильная	705 584	Св. нет	Св. нет	20 433 250	21 138 834
Бумажная и лесная	850 000	«	«	23 365 250	24 215 250
Всего по Уралу	56 221 908	12 497 259	12 696 229	527 517 115	608 215 250

*Голубцов В. С. Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и интервенции // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. С. 100.

Как показывает таблица, по данным Уралпромбюро (не полным), прямой материальный ущерб, нанесенный уральской промышленности колчаковцами, составлял огромную по тем временам сумму — 81 415 396 золотых руб. (56 221 908 + 12 497 259 + 12 696 229 руб.), округленно — 81,415 млн руб. По

«подсчетом» М. А. Фельдмана, стремящегося «облагородить» колчаковцев, оправдать их зверства, разбой и мародерство, материальный ущерб, нанесенный уральской промышленности колчаковцами, якобы составлял 174,7 млн руб., т. е. был в 2,1 раза больше.

Непосредственные, материальные убытки, причиненные Уралу белогвардейцами, интервенцией и блокадой (повреждения строений, оборудования, готовых изделий и т. п., уничтожение естественных богатств и прочие убытки, включая расходы на эвакуацию), согласно подсчетам Уралпромбюро, составляли 81,415 млн руб. — 13,4 % (несколько более $\frac{1}{7}$) от подсчитанных общих убытков, остальные 86,6 % (почти $\frac{6}{7}$) отнесены к косвенным убыткам. И это было вполне справедливо. Контрпретензии СССР к странам Антанты о возмещении убытков (прямых и косвенных), причиненных колчаковцами, иностранной интервенцией и блокадой, соответствовали положениям международного права.

Утверждения М. А. Фельдмана о том, что «ущерб, нанесенный отступлением колчаковской армии», был «невелик», был «незначительным», что «советские историки на порядок преувеличили ущерб, нанесенный отступлением колчаковцев», — миф, который он неуклюже пытается внедрить в историческую науку.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
2. *Голубцов В. С.* Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и интервенции // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. С. 96–101.
3. *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.
4. *Дзюбинский Л., Пудваль А.* Город Серов: Рассказ о городе и серовцах. Свердловск, 1972.
5. История народного хозяйства Урала (1917–1945 гг.). Свердловск, 1988. Ч. 1.
6. История Урала. Пермь, 1965. Т. 2.
7. Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959.
8. *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. Челябинск, 1958.
9. Первоуральск. Свердловск, 1982.
10. *Плотников И. Ф.* Контрреволюционеры у власти // История Урала. Пермь, 1965. Т. 2. С. 101–120.
11. Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.
12. Ревдинские были. Свердловск, 1960.
13. *Сигов С. П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. М., 1936.
14. *Шумилов Е. Ф.* Город на Иже. Ижевск, 1990.

D. V. Gavrilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

How the Myths are Created

The paper examines the extent of destruction of the Ural industry by Kolchak soldiers during the retreat.

Key words: evacuation, re-evacuation, destruction of plants, historical myths